

Научная статья

УДК 82-21

doi: 10.17223/23062061/31/3

ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА 1949 ГОДА И ПЬЕСА К.Г. ПАУСТОВСКОГО «НАШ СОВРЕМЕННОК»

Наталья Валерьевна Семенова¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
n.v.semenova@spbu.ru

Аннотация. Анализируется пьеса К.Г. Паустовского «Наш современник» в контексте юбилейного дискурса пушкинских торжеств 1949 г. Выделяются основные черты коммеморативной риторики конца 1940-х гг. (историческая аллюзивность, вызванная завершившейся Великой Отечественной войной, отзвуки кампании по борьбе с космополитизмом). Следуя за идеологическими тенденциями эпохи, Паустовский тем не менее воплощал в драме свой образ Пушкина, над которым работал с середины 1930-х гг. Показано, как выбор знаковых локусов (Одесса, Михайловское) в качестве места действия влияет на формирование смыслов пьесы. Рассмотрен мотив пушкинского слова как оружия. Высказана мысль о создании благодаря свидетельствам персонажей «народной биографии поэта».

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, «Наш современник», 150-летие А.С. Пушкина, мемориальный дискурс, кампания по борьбе с космополитизмом

Для цитирования: Семенова Н.В. Пушкинские торжества 1949 года и пьеса К.Г. Паустовского «Наш современник» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2023. № 33. С. 25–46. doi: 10.17223/23062061/31/3

Original article

THE PUSHKIN CELEBRATIONS OF 1949 AND KONSTANTIN PAUSTOVSKY'S "OUR CONTEMPORARY"

Natalia V. Semenova¹

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation,
n.v.semenova@spbu.ru

Abstract. The article tends to grasp the Pushkin Myth in Konstantin Paustovsky's works. The author explores the influence of the official commemorative discourse of the Pushkin celebrations of 1949 (the 150th anniversary of Pushkin's

birth) on the play “Our Contemporary”. She also examines Paustovsky’s essays which depict the writer’s visits to Pushkinskye Gory, where the poet’s estate was located. The article enlightens the historical and cultural context of “Our Contemporary”. The method of discourse analysis was applied to the speeches of Konstantin Simonov and Sergey Vavilov. The analysis is based on the conception of Pierre Nora’s *lieu de mémoire* as well. The first part of the article describes the key components of the commemorative discourse of the 1937 and 1949 anniversary celebrations. During the postwar period, a certain allusiveness emerges in the texts on Pushkin, which could be explained as a consequence of manipulation with linear time that resulted in definite historical parallels between the 1812 War and the Great Patriotic War. At that time, the Pushkin celebrations were focused on regional lieux de mémoire. Thus, Tsarskoye Selo and Pushkinskye Gory were quickly restored after the war to demonstrate the power and growth of the USSR. The second part of the article pinpoints on an inner opposition of Paustovsky’s works to the solemn anniversary rhetoric of Pushkin’s celebrations of the 1930s–1940s. In his essays, Paustovsky decreases ritual pathos that official speeches about Pushkin and Pushkin’s places contain. He emphasizes the metaphors of devastation and abandonment unusual in Pushkin commemorative discourse. The prevalent image of monumental Pushkin is replaced by a depiction of a real man who was transformed after his death into the genius loci of Mikhailovskoye estate. The third part of the article is the analysis of the architectonics of “Our Contemporary”. The opposition of two locations – Odessa and Mikhailovskoye – constitutes the composition of the play. However, scenes that occur in Odessa and Pskov Governorate include hidden parallels that materialize in common motifs, locations, and personage’s functions. The issue that is explored in the concluding part of the research is how Paustovsky’s play refers to a campaign against “cosmopolitanism”. The blending of Pushkin’s poems and ideological implications produces a complicated interaction between authenticity and artificiality. Paustovsky applies the rhetoric of the Cold War period in a broad context (e.g., use of the adjective “rootless”). He provides a different interpretation of the Pushkin myth as an object of people’s love and worship. Personages referred to the people are regarded as witnesses who give testimony on the poet’s life. They also positively appraise the poet’s “words”. The author concludes that “Our Contemporary” reflects the pivotal issues and motifs of Soviet commemorative discourse of the Pushkin celebrations. Nonetheless, Paustovsky describes the poet not as a monument but as a genius loci. Focus on everyday life and the incorporation of Pushkin’s poems reinforce the image of the poet as a private person. Other characters give testimonies that constitute Pushkin’s biography.

Keywords: Konstantin Paustovsky, “Our Contemporary”, 150th anniversary of Pushkin’s birth, commemorative discourse, campaign against “cosmopolitanism”

For citation: Semenova, N.V. (2023) The Pushkin celebrations of 1949 and Konstantin Paustovsky’s “Our Contemporary”. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 31. pp. 25–46. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/31/3

Биографическая драма «Наш современник» К.Г. Паустовского опубликована в шестом номере журнала «Новый мир» за 1949 г., в сентябре того же года ее поставил Малый театр в Москве¹. Пьеса была приурочена к 150-летию со дня рождения А.С. Пушкина – первой крупной дате после 100-летней годовщины смерти поэта, которая отмечалась со столь широким размахом². В отличие от празднеств 1937 г. торжества 1949 г. изучены недостаточно³, как и пьеса Паустовского в их контексте. Подготовка к юбилею поэта велась в атмосфере холодной войны, сопровождалась идеологическими кампаниями по борьбе с космополитизмом и низкопоклонничеством перед Западом⁴. 1949 год завершался еще одним юбилеем – семидесятилетием Сталина⁵. Таким образом, текст Паустовского окружает сильный информационный фон, и вопрос, который нас занимает: как пьеса резонировала с ним? Насколько важен был этот фон для писателя, повлиял ли он на создание им своей версии Пушкина?

¹ В пьесе показан период жизни А.С. Пушкина между 1824 и 1825 гг. – от событий, которые привели к высылке поэта из Одессы в Михайловское до сцены в родовом имении после получения героем известия о поражении восстания декабристов. Премьера спектакля состоялась 11 сентября 1949 г. Постановка К.А. Зубова, режиссеры В.И. Цыганков и Е.И. Страдомская, художник Ю.И. Пименов. В ролях М. Царев (Пушкин), В. Рыжова (Арина Родионовна) и др. А.А. Грин справедливо отметил, что пьеса «Наш современник» по сравнению с другими драмами о поэте имела «далеко не столь шумный успех» [1. С. 486]. Она была поставлена в Москве, Горьком, Риге, Киеве, Смоленске и за пределами СССР – в Брно, однако собрала незначительное количество отзывов в центральной прессе (см.: [2–4]).

² Юбилею Пушкина 1937 г. посвящено несколько монографий и статей; см., напр.: [5–7]. А. Бринтлингер анализирует биографический нарратив о Пушкине в свете создания советского «полезного прошлого» [8]. Особенности коммеморации Пушкина исследуются в работах С. Сандлер [9] и Е. Добренко [10].

³ Готовится монография Х. Майера о пушкинском юбилее 1949 г. в контексте русского национализма в позднесталинской филологии [11]. Вышла статья О. Ворониной [12]. Рассматривались отдельные моменты юбилея, например присутствие на торжествах писателя афроамериканского происхождения Пола Робсона [13]. А.Ю. Самарин анализирует «пушкинские речи» С.И. Вавилова и вводит в научный оборот одну из них, ранее не публиковавшуюся [14, 15].

⁴ О. Воронина разделяет эти две кампании. Кампания по борьбе с низкопоклонничеством перед Западом развивалась медленно и «за закрытыми дверями», так что даже такие виртуозные идеологи, как Эренбург и Ермилов, не смогли заблаговременно уловить ее веяния. Для анализа риторики Пушкинского юбилея 1949 г. данная кампания важна темой влияния европейской культуры, защиты последней [12. С. 72].

⁵ По иронии судьбы идеологические кампании не воспрепятствовали тому, что подарки, присланные к юбилею Сталина, экспонировались в Пушкинском музее изящных искусств – крупнейшем собрании западного искусства в Москве (подробнее см.: [16]).

Юбилейная риторика, связанная с увековечиванием памяти Пушкина, включает в себя несколько постоянных компонентов, которые сформировались в 1930-е гг.

Первый тезис – о всеобщей популярности поэта – подавался в контексте поворота к русоцентризму и национальной политики этнического партикуляризма [17. С. 99–100]. При этом Дж.Б. Платт подчеркивает оборонительную интонацию в утверждении «русскости» Пушкина. Идея великого национального поэта была «аккуратно вписана в дискурс кампании дружбы народов» [6. С. 96].

Второй тезис касался современности Пушкина и изображения его «нашим товарищем» (А. Платонов). Фигура поэта находилась в центре героического нарратива 1930–1940-х гг. [10. Р. 208] и воспринималась в свете злобы дня, соседствуя «с ненавистью к внешним и внутренним врагам, <...> воспеванием разнообразия и богатства советской культуры» [6. С. 10]. В 1930 г. журнал «Красная нива» поместил очерк А. Топорова «Пушкин у крестьян-коммунаров», посвященный не фантазмагорической картине их встречи, а читкам сочинений писателя. Фиксируя реакции слушателей на творчество Пушкина, автор очерка рассказал о диспуте, который коммунары устроили после чток «Железного потока» А. Серафимовича и «Дубровского». В итоговой резолюции было отмечено, что «по художественной ценности роман Пушкина далеко выше “Железного потока”». Очерк завершался фразой – «поистине в наши дни “Пушкин вновь народился”» [18. С. 7]. Уже из заглавия пьесы Паустовского очевидно, что это представление о близости Пушкина новой эпохе являлось для драматурга основополагающим.

В 1949 г. мемориальный дискурс пополнился новыми темами. Шестого июня в Москве на торжественном заседании в Большом театре выступили с речами и докладами А.А. Фадеев, К.М. Симонов и другие писатели. На следующий день в Колонном зале Дома Союзов было проведено торжественное заседание Академии наук. В риторике выступлений писателей и ученых отразилось послевоенное восприятие Пушкина, осложненное отзвуками кампании по борьбе с космополитами, пафосом завершившейся войны и нового восстановления страны¹.

¹ См., напр.: [19. С. 189]. При этом А.И. Самарин отмечает, что речь С.И. Вавилова отличалась от других юбилейных выступлений: «...академик, используя свою огромную эрудицию, направлял в аудиторию совсем нетривиальные сигналы» [14. С. 169]. В частности, он завуалированно высказывал «мысль о несовершенстве окружающей его действительности, над которой возвышался гений Пушкина» [14. С. 171].

К.М. Симонов в своем докладе вписывал биографию Пушкина в историю России: «Пушкин родился в тот год, когда русские войска под водительством Суворова на равнинах Северной Италии и в горах Швейцарии впервые и победоносно встретились с войсками Наполеона...» [20. С. 4]. Рассказ о частной жизни в обрамлении более масштабных событий – довольно традиционное решение, однако Симонов использует фигуру Наполеона и факт Отечественной войны для разговора о послевоенной советской действительности. Мы не будем углубляться в полемику, вытеснил ли «миф о войне» дореволюционное прошлое или нет (Д. Бранденбергер), исчезла ли история в позднесталинской историографии, растворившись в «современности» (Х. Майер). Нам важна та особая аллюзивность, которая возникает в результате манипуляций с линейностью времени. Тема Отечественной войны, проходящая красной нитью в речи Симонова, заставляет по-новому звучать слова о национальном достоинстве страны, о народе и корнях в аудитории, пережившей недавно Вторую мировую войну. Поэтому, говоря об отношении советских людей к поэту, докладчик отмечает милитарную функцию последнего: «В руках победившего народа Пушкин – это оружие» [20. С. 39]¹.

Еще одна особенность текста Симонова и других выступлений заключается в сочетании представления о Пушкине как о наследнике народных традиций, славного прошлого, мировой и русской культуры с темой наследия поэта, включавшего также знаковые локусы. Биография Пушкина соотносится не только с историческими событиями, но и с конкретными географическими местами. Идея *genius loci* актуализировалась именно в связи с юбилеем 1949 г., который характеризовался региональной направленностью. Основное воплощение она получила в проекте «Русский Веймар» (Царское Село) президента Академии наук СССР академика С.И. Вавилова. Для увековечивания памяти Пушкина планировалось превратить целый город в единый мемориальный комплекс, создать там музейный и научно-исследовательский центр². Вы-

¹ О Пушкине как об идеологическом оружии писала также О. Воронина.

² Подробнее см.: [21]. Идея памятника поэту в виде целого города восходит к монументализму торжеств 1930-х гг. [6, 5], однако юбилей 1937 г. прошел и не оставил после себя масштабных проектов, продолжающих развиваться (кроме издания полного собрания сочинений Пушкина в 16 т.). Создание научно-музейного центра имело выход на международную арену, поскольку его моделью послужили заграничные научные центры вблизи крупных городов. После смерти Вавилова в 1951 г. Академия наук передала здание Александровского дворца и бывшего Царскоесельского лицея военному ведомству. Причины неуспеха создания «Русского Веймара» Л.М. Солдатов видит в начале «ленинградского дела», «чистке» партийного и руководящего аппарата управленческой системы Ленинграда и незаинтересованном отношении к юбилею со стороны правительства [21. С. 565].

сказывалась мысль, что «в разрушенной стране в столь короткие сроки восстановить места, связанные с памятью национального гения, значило еще раз продемонстрировать всему миру силу и могущество Советского Союза!» [21. С. 559–560].

Итак, после столичных мероприятий празднование переместилось в Ленинград и Царское Село, где был открыт музей Лицей, по поводу чего состоялось большое народное гуляние. Наконец, члены Всесоюзного юбилейного комитета и делегаты от Академии наук выехали в Псковскую область, которой, по словам Вавилова, придавалось большое значение в коммеморативной практике юбилея.

Образ Михайловского неоднократно возникает в творчестве Паустовского: в очерке 1936 г. «Михайловские рощи», в романе 1944 г. «Дым отечества», в статьях 1949 г. «Пушкин на театральных подмостках» и «Сказки Пушкина», а также начиная с пятой картины пьесы «Наш современник». Для анализа диалога, который писатель выстраивает с пушкинским топосом, необходимо подробнее остановиться на рецепции «малой родины» поэта в выступлениях 1949 г.

В юбилейной речи в Псковском драматическом театре Вавилов выделяет несколько этапов биографии Пушкина: Москва – беспечное детство, Лицей – студенчество и «вторая родина», Петербург – юность и первые проблемы («великолепный город был средоточием всех отрицательных черт царской, дворянской России» [22. С. 40]). Возникающее в следующем абзаце Михайловское ломает стройную схему соответствия возраста и места. Движение времени из линейного становится циклическим: поэт постоянно возвращается на псковскую землю предков и обретает там свой последний приют.

Посещение могилы поэта – одно из проявлений «юбилейного элегизма» [6], который вызывали поездки по пушкинским местам. Последним, по мнению С. Сандлер, была свойственна особая темпоральность, выражавшаяся в сопротивлении времени, попытке его остановить. Платт считает, что присутствие у надгробия и влияние на восприятие пасторального пейзажа способствовали «возникновению чувства принадлежности к коллективу и общности с ним» [6. С. 61]. Оплакиваемый Пушкин в итоге возрождался в виде монумента. Нахождение в заповеднике и других мемориальных местах способствовало тому, что каждый мог ощутить личную связь с поэтом.

П. Нора называет такого рода объекты «местами памяти» и относит к ним помимо кладбищ праздники, годовщины, храмы, архивы, музеи и т.д. [23. С. 26]. Места памяти, по мнению исследователя, возникают, когда память социальных групп, связанная «с вечным настоящим» и уко-

рененная «в пространстве, жесте, образе и объекте» [23. С. 20], исчезает. Воспоминания превращаются в реконструкцию и становятся частью истории. Трансформированная память лишена спонтанности, и, несмотря на ритуальность переживаемого совместно действия (общие читки, речи, массовые издания книг), она является психологической, субъективной и нуждается в документировании свидетельства¹.

Очерк Паустовского «Михайловские рощи» завершается посещением могилы поэта, однако этот эпизод отличается от юбилейных элегических описаний. Приближение к месту, где похоронен Пушкин, начинается с изображения расположенного около Святогорского монастыря поселка: «По громадным булыжникам день и ночь медленно грохочут телеги: свозят в Пушкинские Горы сухое сено. От лабазов и лавок несет рогожами, копченой рыбой и дешевым ситцем. Ситец пахнет, как столярный клей» [26. С. 168]. Далее показан путь к могиле Пушкина «через пустынные монастырские дворы», по лестнице к «обветшалым стенам собора», «пахнет бурьяном, корой, устоявшимся летом» [26. С. 168]. И наконец – итог путешествия – «простая могила, куда долетают хриплые крики петухов». Пушкин «похоронен в грубой песчаной земле, где растут лен и крапива, в глухой народной стороне» [26. С. 168].

Паустовский намеренно снижает фон вокруг места памяти – бытовые шумы и запахи, атмосфера запустения и заброшенности. Все это разрушает «юбилейность» и пафос, свойственные «туристическим» описаниям. С другой стороны, эпизод с посещением могилы представляет собой визуализацию пушкинского стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» Образ «милого предела» из этого поэтического текста включен в очерк. Суэта в поселке является «младой... жизнью», бурьян, лен и крапива воплощают «равнодушную природу». Здесь важен выбор Паустовским претекста, вернее, его отказ от другого претекста – всюду цитируемого «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»² Тем самым

¹ Личная оценка появляется в письме Паустовского с могилы Пушкина, которое было адресовано Р. Фраерману. В то же время запись, сделанная писателем в Книге посетителей Михайловского за 1937 г., снова объективна и стилистически нейтральна. Обе цитаты приведены в [24. С. 124–125]. Воспоминание Паустовского о посещении Михайловского и могилы Пушкина в 1950-е гг. выполнено в традиционном элегическом ключе и включается в ряд эмоциональных свидетельств о духовной встрече с поэтом: «Неужели через несколько минут мы будем стоять около могилы поэта?» [25. С. 128].

² Симонов в своей речи в Большом театре сразу же объявлял: «Стихи Пушкина – это вечный памятник поэзии <...> величайший образец для всех художников, желающих служить народу» [20. С. 4]. Вавилов, как и Симонов, обыгрывает стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», но если Симонов ставит знак ра-

в «Михайловских рощах» утверждается не распространенное представление о монументальности поэта, а идея о нем как об обитателе этих мест – реальном человеке со своей частной жизнью, который после смерти превратился в *genius loci*. Данное восприятие позже найдет отражение в пьесе «Наш современник».

В связи с захоронением Пушкина в выступлениях 1949 г. возникает отдельный сюжет – препятствие попыткам уничтожить место памяти. «На пушкинские места налетела черная туча фашистских воронов. Три года эти враги культуры грабили и разрушали пушкинские памятники. Даже могила Пушкина была заминирована», «...но наши войска столь стремительно прогнали немцев, что они не успели совершить свое мрачное злодеяние. Наши саперы вынули мины из-под самого обелиска» [22. С. 41, 42]. Это был не единственный случай предотвращения порчи памятников, связанных с Пушкиным. Та же участь была уготована скульптуре Пушкина-лицеиста Р.Р. Баха (1899). Перед приходом неприятеля в Царское Село памятник «был глубоко зарыт в землю. Немцы искали его и не смогли найти» [22. С. 31]. После войны, к открытию музея, изваяние вновь установили. Так памятник обретает эмоциональную, моральную и символическую ценность – за него идет борьба, чтобы деморализовать противника, его важно (не дать) уничтожить. Е. Фарыно отмечает особую реакцию на вандализм памятников именно Пушкину – «возмущение перерастает в негодование и переименовывается если не в “святотатство / кощунство”, то в оскорбление национальной гордости» [27. С. 18].

Могила Пушкина как место памяти поэта распространяет свое влияние на псковскую землю, которая становится объектом поклонения, и далее – на территорию СССР и даже на весь мир. Поэт Н. Тихонов в речи на митинге у надгробия в Пушкинских горах произнес: «Это место сегодня видно всему миру. Это почетное любимое место всего советского народа и всего передового человечества» [22. С. 42]¹. Таким образом, можно говорить о своеобразной тотемизации и потребности непосредственного контакта с объектом сакрализации².

венства между «я» и «памятник», то Вавилов продолжает метафорический перенос: Пушкин – памятник – могила Пушкина – земля – псковская земля – и итог: «Никогда не зарастет народная тропа к этим местам» [22. С. 42].

¹ Аналогично в очерке Паустовского могила Пушкина обозначена как «известная всему человечеству» [26. С. 168].

² Фарыно приводит в пример два более поздних памятника, под один из которых в Зеленограде была заложена капсула с землей, привезенной с могилы Пушкина [27. С. 42–43].

Еще один характерный для послевоенной коммеморативной практики мотив – восстановление заповедника: «Воскресает ее (псковской земли. – *Н.С.*) историческая и культурная слава» [22. С. 41]. Идея восстановления плавно переходит в идею сохранения и консервации памятного места. Возникают оформляющие локус «декорации»: «На протяжении десятков километров у околицы каждой деревни их (потоки людей. – *Н.С.*) встречали праздничные арки, красочные панно на сюжеты пушкинских произведений, портреты поэта, увитые зеленью. Каждая изба-читальня, каждый клуб, райсовет, сельсовет и даже многие частные дома были украшены зеленью, портретами Пушкина и красными стягами с волнующими призывными словами поэта» [22. С. 42]. Аудитория, поклоняющаяся поэту, соответствующая – это советская «аристократия»: «стахановцы псковских фабрик и заводов, передовики сельского хозяйства области, городская интеллигенция» [22. С. 40].

Паустовский в своих статьях о Пушкине, Михайловском и работой над пьесой внутренне полемизирует с такого рода юбилейной декоративностью. Из очерка «Михайловские рощи» в более поздний текст «Пушкин на театральных подмостках» почти дословно перенесен фрагмент о совсем непарадном прибытии повествователя в бывшее поместье поэта, что подчеркивает важность данного эпизода для писателя.

«Телега въехала в сумрачный сосновый лес. В траве около дороги что-то белело. Я соскочил с телеги, нагнулся и увидел узкую дощечку, выкрашенную в белый цвет. Она была прибита к низкому столбику. На дощечке было написано:

*...В разные годы
Под вашу сень, Михайловские рощи,
Являлся я...*

Чтобы прочесть эту надпись, мне пришлось оборвать повилыку. Она крепко заплетала дощечку.

– Что это? – спросил я возницу.

– Это? – переспросил он. – Да это же метка. Отсюда начинается земля Александра Сергеича. Это его лес, михайловский» [28. С. 354].

Уже отмечавшееся обилие бытовых деталей у Паустовского – телега, заросшая дощечка со стихотворной цитатой – контрастирует с официальными красными стягами. Вместо восстановления – ностальгическое запустение и сохранение заповедника в заброшенном состоянии. Уже в «Михайловских рощах» задана иная система координат – иная аутентичность: «Я вспоминаю леса, озера, парки и небо. Это почти единственное, что уцелело здесь от пушкинских времен»; «главная прелесть Михайловского парка в обрыве над Соротью и в домике няни Арины

Родионовны – единственном домике, оставшемся от времен Пушкина» [26. С. 164, 165]. В статье 1949 г. ощущение присутствия поэта также передается через локус и природу: «...вот здесь, на этой песчаной псковской земле, под этим низким морозящим небом, жил когда-то Пушкин» [28. С. 353].

В пьесе «Наш современник» два локуса – Одесса и село Михайловское. Паустовский соотносит их по различным параметрам: по месту и времени действия (город–деревня, лето–зима). На уровне списка действующих лиц происходит разделение персонажей на две части. Один герой может частично перенимать на себя функции другого в ином пространстве: позицию Елизаветы Воронцовой, которая ворошит волосы героя, «как няня», в следующей картине занимает Арина Родионовна. Локусы в тексте, на первый взгляд, противопоставлены друг другу. «Отсюда, из захолустья, мне понятнее жизнь, чем было в Одессе, в Петербурге» [29. С. 152], – замечает Пушкин, находясь в родовом поместье. Однако в одесских и псковских сценах присутствует скрытый параллелизм. Так, например, пьеса открывается эпизодом в ресторации на пристани, где сам «воздух наполняется оранжевым блеском» [29. С. 105]. В предпоследней картине возникает дымный и шумный трактир в Святых Горах. Если в первой картине Пушкин знакомится с матросом, который присутствовал на похоронах Байрона, то в трактире он сталкивается с беглым раненым декабристом. Неслучайно святогорский исправник, услышав песнопение слепца «Вечная память», восклицает: «Что за панихида?» [29. С. 168] – реплика, которая отсылает к рассказу о прощании с английским поэтом. Обе эти встречи – с матросом и мятежником – внутренне меняют Пушкина и создают эмоциональную напряженность. Майер считает, что в Одессе происходит «“передача эстафеты” от погибшего Байрона как поэтического лидера прогрессивного человечества к Пушкину как новому гению, реализующему ту же миссию» [11]. Переход от надежд на будущее к фиаско и состоянию неопределенности демонстрируется сменой локуса и времени года. В финале Пушкин сжигает материалы, компрометирующие его друзей, и соглашается с няней: «И впрямь бесполезно скакать в Петербург» [29. С. 174].

Второй мотив пьесы, связанный с местами, которые позже станут восприниматься в качестве памятных, как ни странно, отсутствие там Пушкина¹. На протяжении действия его постоянно ищут, ощущают его нехватку:

¹ Таким же знаковым было отсутствие поэта в пьесе М.А. Булгакова «Александр Пушкин» (1939).

«Надежда Осиповна. <...> Он ускакал! В Тригорское. <...> Он к нам не вернется теперь!.. Никогда!» [29. С. 147].

«Я уехала из Одессы в Белую Церковь, к отцу. <...> Если бы вы могли быть здесь! Или в Одессе, куда я скоро возвращаюсь» [29. С. 151].

«Арина Родионовна. <...> А Александра-то Сергеевича нету. В Святые Горы поехал.

Иона. Ай-яй-яй! А я из Святых Гор. По надобности к нему. Разминутись, значит» [29. С. 170].

Неуловимость Пушкина является обратной стороной ощущения его присутствия в месте памяти: поэт только что был здесь, вот-вот вернется. Его отсутствие осознается как потеря. Подобное «эсхатологическое» восприятие (Платт) было также характерно для юбилейного дискурса пушкинских торжеств начиная с 1930-х гг. Косвенным образом оно нашло отражение в идее «Пушкин – современник советской эпохи».

Наконец, еще один выход в современность реализуется через выбор локусов, значимых для драматурга. Одесса и Михайловское связаны не только с Пушкиным, но и с биографией автора пьесы, который вплетает свои личные впечатления от путешествий и встреч в действие. В статье «Пушкин на театральных подмостках» упоминается разговор повествователя со стариками из местечка Зимари и их спор с колхозниками из Тригорского о том, где поэт чаще бывал. Этот же топоним встречается в пьесе в сказке, которую Арина Родионовна рассказывает зимним вечером. Трактир, сцена в котором была так важна для Паустовского, еще раньше был описан в очерке «Михайловские рощи»: «Единственный трактир звенит жидким, но непрерывным звоном стаканов и чайников. Там до потолка стоит пар, и в этом пару неторопливо пьют чай с краюхами серого хлеба потные колхозники и черные старики времен Ивана Грозного» [26. С. 168]. Этот фрагмент затем трансформируется в ремарку, только чай в ней будут пить уже не колхозники, а ямщики, и место повествователя займет Пушкин. В результате грань между Михайловским Пушкина и Михайловским Паустовского размывается, создается эффект застывшего времени, который поддерживает консервация заповедника в настоящем.

Таким образом, писатель предпринимает попытку демонументализировать Пушкина путем трансформации места памяти в место, где обитает реальный человек. Подобное включение Пушкина в окружавшую его среду (городской ландшафт или сельский пейзаж) было концептуально значимо для Паустовского в работе над пьесой «Наш современник», как важна была «непарадность» поэта. Драматург отмечал, что «малейший оттенок пафоса, приподнятости мог убить образ Пушкина на сцене» [28. С. 356].

Пушкин был сверхзадачей Паустовского и труппы Малого театра. Делясь опытом создания пьесы, автор отмечал: «Если Пушкин действительно оживет под пером современного поэта, прозаика или драматурга, то он неизбежно раздвинет границы своей канонизированной биографии» [28. С. 357]. Изображение персонажа, который совершает поступки под действием эмоций, обусловленных частными обстоятельствами, уравнивалось добавлением дополнительных элементов, расширявших «границы» его биографии, – прежде всего поэзии. Возникало сложное внутреннее взаимодействие между аутентичностью и искусственностью.

Это почувствовал М. Царев, исполнитель главной роли в спектакле, рассказавший о технических трудностях перевоплощения: «Приглашали мы специального гримера. Сперва я делал точный грим по маске Пушкина, которой мы пользовались для воссоздания верного внешнего облика, вплоть до формы головы» [30. С. 219]. Грим мешал артисту, несмотря на то что был сделан виртуозно, и от детальной реконструкции лица решили отказаться.

Дихотомия подлинности и искусственности ощущалась и во время подготовки спектакля: «Сама обстановка репетиции – заглушенная музыка, вторящая двадцать раз одно и то же, стук молотков, сказанная внезапно и нараспев пушкинская строфа, перемена света – то лунного, то золотого, вопли художника и режиссеров, схватки на сцене из-за каждой мелочи (например, как зажигали при Пушкине свечи или какой формы были бутылки от шампанского Клико), путаница современных и пушкинских костюмов, шум морского прибоя, запах краски, – все это создает какое-то приподнятое состояние, как будто присутствуешь в комнате у великого сказочника, вроде Андерсена, когда он, соединяя реальность и фантазию, создает свои умные сказки» [28. С. 363].

В самом тексте пьесы выделяется ряд мотивов, представляющих собой искусственные наслоения иного рода – к ним относятся намеки на современность (кампания по борьбе с космополитизмом), концепция «народности» поэта и метафора «слово Пушкина – это оружие». Данные темы присутствовали, как указывалось выше, в юбилейном дискурсе 1949 г. Остановимся на них подробнее.

Отзвуки кампании по борьбе с космополитизмом так или иначе проникают в тексты о Пушкине 1949 г. [12]. Это одна из сквозных тем доклада Симонова, в котором писатель среди прочего касался конфликта поэта с графом Воронцовым, объясняя его англоманией последнего и приводя цитату из «Воображаемого разговора с Александром I». В пьесе «Наш современник» противостояние Пушкина иностранному влиянию

интерпретируется, как у Симонова, однако Паустовский использует риторiku периода холодной войны в более широком контексте.

Примером служит прилагательное «безродный», являющееся частью устойчивого выражения «безродный космополит» (А.А. Жданов, 1948). «Безродным космополитом», увлекшись, Симонов назвал в своем выступлении Дантеса. Данный анахронизм изменил темпоральность высказывания, превратив дуэль Пушкина в актуальное событие настоящего. У Паустовского прилагательное «безродный» произносит Арина Родионовна по отношению к Пушкину: «Все он не спит, все мается, как безродный какой...» [29. С. 143]. Значение слова меняется, из него исключается негативная идеологическая оценка. Герой позиционируется лишенным семьи, домашнего уюта и вызывает жалость. Неслучайно именно эта картина заканчивается ссорой поэта с отцом и отъездом Сергея Львовича с Надеждой Осиповной в Петербург.

Сергей Львович показан в пьесе участником «петербургских космополитических салонов» (Симонов): «Помнишь, Надин, как лакеи прыскают эти (дворцовые. – *Н.С.*) духи на жаровни? Ах, прелесть! Пахучий такой дымок, игра хрустальная под потолками, белые плечи красавиц, музыка на антресолях...» [29. С. 142]. Со светскими красавицами связан фантастический проект Пушкина-отца по продаже косметических средств из капустного сока, произведенных в Михайловском: «В Париже нет красавицы, которая не мылась бы капустным соком <...> Представь! В лучших куаферных заведениях Москвы и Петербурга. Его процеживают, сдабривают лавандой, разливают в хрустальные флаконы. И все! И название можно придумать какое-нибудь такое... грациозное: “Поцелуй Нереиды” или “Рдеющие ланиты”» [29. С. 142]. В итоге проект отвергается прагматичной женой («Ты просто глуп!»), а Сергей Львович становится в один ряд с высмеиваемыми в советской культуре героями-гедонистами, ведущими буржуазный образ жизни. В нарративе о Пушкине к ним относятся такие персонажи, как поклонник заморской кухни, дядя поэта Василий Львович из романа Ю. Тынянова «Пушкин» (1936), чиновник Варсонофьев, мечтающий о поездке в Париж («Ученик Лицея», 1947–1948, А. Платонова) и др. [31. С. 175–176].

В пьесе Сергей Львович – разорившийся дворянин, которого не уважают ни жена, ни дворня. Герой также нивелируется как отец. Шпиона за сыном, перлюстрируя его переписку, персонаж представлен ложной семьей «безродного» Александра, тогда как его подлинная семья – заботливая и понимающая Арина Родионовна. В ссоре поэта с отцом актуализируется еще один мотив драмы – «слово Пушкина – оружие». Пер-

вый раз этот мотив появляется в диалоге с Туманским в картине на пристани в Одесском порту:

«Пушкин. Что поэзия? Слова! А эти руки хотят держать оружие...

Туманский. <...> Ваши стихи разят, как пули...» [29. С. 108].

Размышляя о своем предназначении и протестуя против отъезда в Псковскую губернию, Пушкин восклицает: «Я знаю могущество слов. И я знаю, что способен дать русскому слову полную меру этого могущества. Полную меру! Я хочу жечь словами сердца» [29. С. 120], и «если пистолет дает осечку, то слово – никогда!» [29. С. 136]. Однако до приезда в Михайловское это лишь декларативные заявления. В ссоре с отцом слово поэта перформативизируется. После жесткой отповеди Пушкина его отец ощущает себя избитым:

«Сергей Львович. <...> Люди! <...> На помощь! <...> Как ты посмел! Люди! Он ударил меня!

Надежда Осиповна. Замолчи! Сейчас же!

Сергей Львович (*плачет, потрясает пухлыми кулачками*). Он поднял руку на родного отца! <...> О Боже! Он хотел меня ударить, а ты смолчала.

Надежда Осиповна. Не лги!

Сергей Львович. Он тут размахивал руками, как безумный. Это при родном-то отце. Он убил меня своими словами! (*Плачет.*)» [29. С. 146–147].

Ближе к концу пьесы Пушкин вновь возвращается в диалоге с Пушиным к своему желанию вложить стихи, «как кинжал, в руки мстителей» [29. С. 156], и вновь поэта убеждают, что его голос и призвание «превыше всего». В последней картине приводятся подтверждения опасной ценности слова Пушкина: герой сжигает рукописи, которые могут выступить оружием против невинных людей, читает няне послание «К Чаадаеву» и выслушивает ее «пророчество»: «Взойдет, ангел мой. Утренняя звезда – чистая, прелестная. От твоих слов будто солнышко прогрело душу» [29. С. 177–178].

Таким образом, слово поэта воспринимается другими персонажами как идеологическое оружие, которое может быть использовано против недоброжелателей. Паустовский показывает традиционное в культуре 1930–1940-х гг. сочетание любви народа к поэту и ненависти к врагам [6], превращая высказывания и стихи Пушкина в перформатив. Когда в ответ на строку «Товарищ, верь: взойдет она, / Звезда пленительного счастья...» няня говорит: «Взойдет, ангел мой», – эти реплики приравниваются к действию, успешность которого могут подтвердить представители будущих поколений, сидящие в зрительном зале.

Очевидно, что принцип деления персонажей на положительных и отрицательных достаточно прост и находится в прямой зависимости от реакции действующих лиц на «слова» Пушкина. «Наш современник» содержит множество упоминаний о впечатлении, которое производят стихи поэта на представителей народа. Крепостной крестьянин Кузьма, забросивший хозяйство, неотрывно следует за Пушкиным: «Я около Александра Сергеевича не зря околачиваюсь. Слова хорошие я люблю» [29. С. 174]. Театральный капельдинер, став свидетелем того, как Пушкин читает элегию «Погасло дневное светило...», «останавливается, слушает, потом тихо удаляется» [29. С. 115], а в конце картины угощает поэта чаем. Наконец, слава Пушкина достигает и солдатского гарнизона.

«Седой офицер (*обращаясь к солдатам, радостно*). Ребята, это Пушкин! Небось слышали?

Солдаты. Ну, как не слышали, ваше высокородие! Ихние песни известные.

Седой офицер. А что вы знаете?

Пожилой солдат. Нам больше всего приглянулась одна песня, ваше высокородие. <...> Про Наташу. “Вянет, вянет лето красно, улетают ясны дни” [29. С. 126].

Безусловно, «всемирная популярность» поэта – это часть юбилейной риторики¹. Б.С. Мейлах, утверждая, что «мы живем в такое время, когда Пушкина изучают не только специалисты или “любители”, но и весь народ» [33. С. 51], привел в пример письмо 1936 г. В.М. Молотову от двух шахтеров, которых встревожили текстологические разночтения в послании «К Чаадаеву». Подобных свидетельств много. Майер считает, что «в конце сталинской эпохи начинает размываться граница между наукой и фикцией», и мы имеем дело с непрофессиональной «филологией в широком смысле» [11]. С одной стороны, это так. Отношение к письменным источникам в пьесе Паустовского неуважительное: корреспонденцию вскрывают и сжигают, листы вырывают из тетради, бумагу швыряют на пол. Слово «автограф», которое произносит Раевский, употребляется иронически. Вместе с тем количество персонажей «из народа» последовательно возрастает в «Нашем современнике», и по мере развития действия они доминируют над элитарными героями – в финале

¹ Более того, как отмечает Е. Добренко, «созданный после войны образ Народа был единственным в публичном пространстве сконструированным властью субъектом, обладавшим высшей легитимирующей силой» [32. С. 60]. Вот почему симпатии к Пушкину персонажей, принадлежащих к низшим социальным классам, получают дополнительную смысловую нагрузку в культуре позднего сталинизма.

Пушкин находится в окружении только крепостных. Из второй части пьесы был также исключен эпизод с Анной Керн. Для сравнения, в очерке «Михайловские рощи» наравне с колхозниками фигурируют внучка Керн, ленинградский художник Н. Альтман, не названный по имени учитель географии, в центре романа «Дым отечества» – художники, актриса и пушкиноведа – советская интеллигенция. Однако, на наш взгляд, в пьесе Паустовского важна не столько экспертная роль крепостных крестьян и солдат в оценке и легитимации текстов Пушкина, сколько сопричастность гению, которая достигается в формате личного общения с поэтом.

Одна из основных функций представителей народа у Паустовского, помимо преклонения перед Пушкиным, – выступать свидетелями жизни поэта. Арина Родионовна, Кузьма, Лекс и другие, безымянные персонажи являются «живыми документами»¹. Их микроистории служат опосредованному утверждению достоинств главного героя. Так, чиновник при Воронцове Михайло Лекс рассказывает жене графа о своем чтении стихотворения «Редет облаков летучая гряда...» автору, которое тот не узнал: «“Да! Великолепно сказано!” Я, конечно, пришел в некоторое замешательство. “Позвольте, говорю, так это же вы сами сочинили, Александр Сергеевич”. А он посмотрел на меня и отвечает как бы с сомнением: “Как будто я”. Удивительный человек-с!» [29. С. 130]. Есть и намеренно ложные свидетельства: Кузьма и другие крестьяне, защищая Пушкина, оговаривают его, характеризуя злым и грубым барином, говорящим исключительно по-французски, лояльным императору и бьющим крепостных дубинкой. О своей лжи Кузьма сообщает Пушкину, дискредитируя эти сведения в глазах зрителя. В результате выстраивается «народная биография» поэта. Она дополняется высказываниями самого Пушкина («Я состою при России!», «Я предан своему народу» [29. С. 113, 134]) и проявлениями его демократического вкуса («Страсть как люблю печеную картошку» [29. С. 126]).

Пушкин в пьесе становится центром внимания, где бы он ни оказался: в одесской портовой ресторации, на батарее у солдат и офицеров, у себя дома, угощая дворовых людей наливкой и пирогами по случаю

¹ В качестве такого «живого документа» выступают итальянский матрос и шкипер, рассказывающие о смерти лорда Байрона. Шкипер сообщает о 37 пушечных выстрелах по числу лет английского поэта. В Михайловских сценах уже крепостной Кузьма будет рассказывать родителям Пушкина о 24 залпах, которые были даны в честь их сына в Одессе. Как правило, обращают внимание на то, что Пушкина и Байрона чувствуют одинаково, не упоминая, что передача информации также осуществляется одним способом – через постороннего свидетеля.

приезда друга. В сцене визита Пушкина создается атмосфера импровизированного народного праздника: девушки водят хоровод вокруг поэта, сопровождая его пением. Описание танца коррелирует с изображением летнего праздника в Михайловском из более раннего очерка: «На лугах жгут костры, водят хороводы. Поют старые песни и новые частушки...» [26. С. 163].

Мотиву народной популярности Пушкина противостоит мотив изоляции поэта. В пьесе каждый раз, когда герой ощущает свою неприкаянность, бесполезность или одиночество, он получает моральную поддержку со стороны других персонажей – офицеров, театрального капельдинера, няни, Пушкина. Любопытно, что одна из утешительных фраз повторяется в тексте дважды («Страшен сон, да милостив Бог!» [29. С. 122, 176]), ее произносят капельдинер и Арина Родионовна. Последняя дарит поэту самую отрадную надежду на вечную славу среди потомков:

«Арина Родионовна. Один ты у меня, сердечный мой. Тяжко тебе. Я знаю.

Пушкин. Как ты думаешь, нянюшка, вспомнят их (декабристов. – Н.С.) через сто, через двести лет?

Арина Родионовна. Вспомнят, милый.

Пушкин. И меня вспомнят?

Арина Родионовна. Господи! Да тебя и забывать никогда не будут» [29. С. 177].

Таким образом, протягивается ниточка в будущее, в котором все говорят о Пушкине «как о человеке близко знакомом, как о своем современнике и сверстнике» [28. С. 354].

Итак, в пьесе «Наш современник» нашли отражение основные темы и мотивы коммеморативного пушкинского юбилейного дискурса: всенародная популярность поэта, борьба с космополитами, восстановление культурных памятников, ощущение личной духовной связи с Пушкиным благодаря приобщению к месту памяти, восприятие поэта как современника и товарища. Однако некоторые проблемы не были затронуты Паустовским: так, он не касался темы Отечественной войны, которая поднималась в выступлениях Симонова, Фадеева и др.

Торжества 1949 г. отличала тенденция к децентрализации – многие мероприятия проходили вне Москвы и Ленинграда, в местах памяти поэта. Причем последний превращался в *genius loci*. Аналогично действие драмы «Наш современник» разворачивается в Одессе и Михайловском. В паратекстах, описывающих эти локусы, и в репликах персонажей встречается большое количество сниженных бытовых деталей. Благода-

ря такому «обживанию» пространства образ Пушкина теряет юбилейную парадность. Драматург стремится к аутентичности.

В статьях о Пушкине Паустовский отмечает, что ощущение присутствия поэта сохраняется благодаря природе и подлинным постройкам (домик няни). В пьесе эффект подлинности достигается за счет включения в текст стихов поэта. Столкновение быта и поэтических строк, визуализация знаковых топосов препятствуют монументализации образа поэта.

Отказ от излишней декоративности и статуарности в изображении протагониста не исключает влияния юбилейной риторики. В пьесе центральное место занимает традиционная тема близости Пушкина к народу. Представители последнего выполняют роль «живых документов». Вместе их свидетельства составляют народную биографию поэта. Утверждению популярности Пушкина в пьесе противостоит мотив одиночества и изоляции поэта. В финале оказывается, что изоляция – ложная, ему обещана вечная память грядущих поколений.

Список источников

1. Грин А.А. Образ Пушкина в драматургии и на сцене // Пушкин на Юге : труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева : в 2 т. Кишинев : Штиинца, 1961. Т. 2. С. 465–501.
2. Чеботаревская Т. Наш современник (о пьесе К. Паустовского) // Советское искусство. 1949. 4 июня, № 23 (1163). С. 3.
3. Бортко В. Наш современник // Советское искусство. 1949. 24 сент., № 39 (1179). С. 3.
4. Жданов В. Историко-биографическая пьеса // Театр. 1950. № 9. С. 70–77.
5. Молок Ю.А. Пушкин в 1937 году : материалы и исследования по иконографии. М. : Новое литературное обозрение, 2000. 266 с.
6. Платт Д.Б. Здравствуй Пушкин! : сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 352 с.
7. Brandenberger D. «The People's Poet»: Russocentric Populism during the USSR's Official 1937 Pushkin Commemoration // Russian History. 1999. Vol. 26, № 1. P. 65–73.
8. Бринтлингер А. В поисках «полезного прошлого» : биография как жанр в 1917–1937 гг. СПб. : Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 336 с.
9. Sandler S. Commemorating Pushkin : Russia's Myth of a National Poet. Stanford : Stanford University Press, 2004. 416 p.
10. Dobrenko E. Pushkin in Soviet and post-Soviet culture // The Cambridge Companion to Pushkin. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 202–220.
11. Пушкин в 1949 году: профессор Хольт Майер о русском национализме в позд-несталинской филологии. URL: <https://syg.ma/@sasha-sierbina/pushkin-v-1949-ghodu-professor-kholt-maiier-o-russkom-natsionalizmie-v-pozdniestalinskoi-filologhii> (дата обращения: 01.02.2021).
12. Voronina O. «The Sun of World Poetry»: Pushkin As a Cold War Writer // Pushkin Review. 2011. Vol. 14. P. 63–95.

13. Mihailovic A. «Sometimes I Feel Like a Motherless Child»: Paul Robeson and the 1949 Pushkin Jubilee // Under the Sky of My Afrika. Alexander Pushkin and Blackness. Evanston IL : Northwestern University Press, 2006. P. 302–331.

14. Самарин А.Ю. «Друг свободы, неповинный в лжи и злобе наших дней»: пушкинская речь С.И. Вавилова в Колонном зале Дома Союзов // Новое литературное обозрение. 2021. № 1 (167). С. 165–178.

15. Самарин А.Ю. «На фоне Пушкина»: речь С.И. Вавилова на митинге у памятника поэту в июне 1949 года // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17, № 5. С. 550–559.

16. Ssorin-Chaikov N. On Heterochrony: Birthday Gifts to Stalin, 1949 // The Journal of the Royal Anthropological Institute. 2006. Vol. 12, № 2. P. 355–375.

17. Брандендергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб. : Академический проект ; ДНК, 2009. 415 с.

18. Топоров А. Пушкин у крестьян-коммунаров // Красная нива. 1930. № V. С. 6–7.

19. Дурьлин С.Н. Пушкин на сцене. М. : Изд-во АН СССР, 1951. 285 с.

20. Симонов К. Александр Сергеевич Пушкин : доклад на торжественном заседании в Большом театре Союза ССР 6 июня 1949 года. М. : Сов. писатель, 1949. 52 с.

21. Солдатова Л.М. Пушкинский юбилей 1949 года. Судьба проекта С.И. Вавилова по созданию в городе Пушкине «Русского Веймара» // Университетский пушкинский сборник / отв. ред. В.Б. Катаев. М. : Изд-во МГУ, 1999. С. 558–569.

22. Пушкинские торжества (июнь 1949 года) // Вестник Академии наук СССР. 1949. № 7. С. 8–48.

23. Нора П. Между памятью и историей // Нора П. Франция-память. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.

24. Парчевская И. Писатель и музей. К.Г. Паустовский в Михайловском // Материалы Михайловских Пушкинских чтений «Описывай не мудрствуя лукаво... Войну и мир...» (20–24 августа 2014 г.) : сб. ст. / ред. Л.А. Токарева. Сельцо Михайловское : Пушкинский заповедник, 2015. С. 120–130. (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 66).

25. Паустовский К.Г. Ветер скорости (из путевого дневника) // Паустовский К.Г. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. VII. С. 119–148.

26. Паустовский К.Г. Михайловские рощи // Паустовский К.Г. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1983. Т. VI. С. 161–168.

27. Фарыно Е. Памятники Пушкину с пичьего полета // Культура и текст. 2014. № 2 (17). С. 5–92.

28. Паустовский К.Г. Пушкин на театральных подмостках (работа над пьесой о Пушкине «Наш современник») // Паустовский К.Г. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. VIII. С. 353–364.

29. Паустовский К.Г. Наш современник (Пушкин) // Паустовский К.Г. Собр. соч. : в 9 т. М. : Худож. лит., 1984. Т. VIII. С. 102–178.

30. Царев М. О любимых писать трудно // Воспоминания о Константине Паустовском / сост. Л.А. Левицкий. М. : Сов. писатель, 1983. С. 217–220.

31. Семенова Н.В. «Ученик Лицея» А. Платонова и биографический нарратив о Пушкине // Avtobiografija. 2015. № 4. С. 165–186.

32. Добренко Е.А. Поздний сталинизм : эстетика политики. М. : Новое литературное обозрение, 2020. Т. 1. 712 с.

33. Мейлах Б.М. Проблемы советского пушкиноведения // Труды Первой и Второй Всесоюзных пушкинских конференций. 25–27 апреля 1949 г. и 6–8 июня 1950 г. / ред. Б.И. Бурсов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 49–86.

References

1. Grin, A.A. (1961) *Obraz Pushkina v dramaturgii i na stsene* [The image of Pushkin in dramaturgy and on the stage]. In: Borshchm A.T. (ed.) *Pushkin na Yuge: trudy Pushkinskoy konferentsii Odessy i Kishineva* [Pushkin in the South: Proceedings of the Pushkin Conference of Odessa and Chisinau]. Vol. 2. Chisinau: Shtiintsa. pp. 465–501.

2. Chebotarevskaya, T. (1949) *Nash sovremennik (o p'ese K. Paustovskogo)* [Our contemporary (about K. Paustovsky's play)]. *Sovetskoe iskusstvo*. 4th June. 23(1163). p. 3.

3. Bortko, V. (1949) *Nash sovremennik* [Our contemporary]. *Sovetskoe iskusstvo*. 24th September. 39(1179). p. 3.

4. Zhdanov, V. (1950) *Istoriko-biograficheskaya p'esa* [A historical and biographical play]. *Teatr*. 9. pp. 70–77.

5. Molok, Yu.A. (2000) *Pushkin v 1937 godu: materialy i issledovaniya po ikonografii* [Pushkin in 1937: Materials and studies on iconography]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

6. Platt, D.B. (2017) *Zdravstvuy Pushkin!: stalinskaya kul'turnaya politika i russkiy natsional'nyy poet* [Hello Pushkin!: Stalin's cultural policy and the Russian national poet]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.

7. Brandenberger, D. (1999) "The People's Poet": Russocentric Populism during the USSR's Official 1937 Pushkin Commemoration. *Russian History*. 26(1). pp. 65–73.

8. Brintlinger, A. (2020) *V poiskakh "poleznogo proshlogo": biografiya kak zhanr v 1917–1937 gg.* [In search of a "useful past": The biography as a genre in 1917–1937]. St. Petersburg: Academic Studies Press / BiblioRossika.

9. Sandler, S. (2004) *Commemorating Pushkin: Russia's Myth of a National Poet*. Stanford: Stanford University Press.

10. Dobrenko, E. (2006) *Pushkin in Soviet and post-Soviet culture. The Cambridge Companion to Pushkin*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 202–220.

11. Servina, A. et al. (n.d.) *Pushkin v 1949 godu: professor Khol't Mayer o russkom natsionalizme v pozdnestalinskoy filologii* [Pushkin in 1949: Prof. Holt Mayer on Russian Nationalism in Late Stalinist Philology]. [Online] Available from: <https://syg.ma/@sasha-sierbina/pushkin-v-1949-ghodu-profiessor-kholt-maiier-o-russkom-natsionalizmie-v-pozdniestalinskoi-filologii> (Accessed: 1st February 2021).

12. Voronina, O. (2011) "The Sun of World Poetry": Pushkin As a Cold War Writer. *Pushkin Review*. 14. pp. 63–95.

13. Mihailovic, A. (2006) "Sometimes I Feel Like a Motherless Child": Paul Robeson and the 1949 Pushkin Jubilee. In: Theimer Nepomnyashchy, K., Svobodny, N. & Trigos, L.A. (eds) *Under the Sky of My Afrika. Alexander Pushkin and Blackness*. Evanston, IL: Northwestern University Press. pp. 302–331.

14. Samarina, A.Yu. (2021) "Drug svobody, nepovinnyy v lzhi i zlobe nashikh dney": pushkinskaya rech' S.I. Vavilova v Kolonnom zale Doma Soyuzov ["A friend of freedom, innocent of the lies and malice of our days": Pushkin's speech by S.I. Vavilov in the Column Hall of the House of the Unions]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1(167). pp. 165–178.

15. Samarin, A.Yu. (2020) “Na fone Pushkina”: rech’ S.I. Vavilova na mitinge u pamyatnika poetu v iyune 1949 goda [“Against the background of Pushkin”: The speech by S.I. Vavilov at a rally near the monument to the poet in June 1949]. *Observatoriya kul'tury*. 17(5). pp. 550–559.

16. Ssorin-Chaikov, N. (2006) On Heterochrony: Birthday Gifts to Stalin, 1949. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*. 12(2). pp. 355–375.

17. Brandenderger, D. (2009) *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931–1956)* [National Bolshevism. Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity (1931–1956)]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt; DNK.

18. Toporov, A. (1930) Pushkin u krest'yan-kommunarov [Pushkin among the peasants-communards]. *Krasnaya niva*. V. pp. 6–7.

19. Durylin, S.N. (1951) *Pushkin na stsene* [Pushkin on stage]. Moscow: USSR AS.

20. Simonov, K. (1949) *Aleksandr Sergeevich Pushkin: doklad na torzhestvennom zasedanii v Bol'shom teatre Soyuzo SSR 6 iyunya 1949 goda* [Alexander Sergeevich Pushkin: report at a solemn meeting at the Bolshoi Theater of the USSR on June 6, 1949]. Moscow: Sov. pisatel'.

21. Soldatova, L.M. (1999) Pushkinskiy yubiley 1949 goda. Sud'ba proekta S.I. Vavilova po sozdaniyu v gorode Pushkine “Russkogo Veymara” [Pushkin's anniversary in 1949. The fate of S.I. Vavilov's project on the “Russian Weimar” in the city of Pushkin]. In: Kataev, V.B. (ed.) *Universitetskiy pushkinskiy sbornik* [The Pushkin University Collection]. Moscow: Moscow State University. pp. 558–569.

22. Anon. (1949) Pushkinskie torzhestva (iyun' 1949 goda) [The Pushkin celebrations (June 1949)]. *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 7. pp. 8–48.

23. Nora, P. (1999) Mezhdru pamyat'yu i istoriey [Between memory and history]. In: Nora, P. et al. *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. Translated from French. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 17–50.

24. Parchevskaya, I. (2015) Pisatel' i muzey. K.G. Paustovskiy v Mikhaylovskom [Writer and Museum. K.G. Paustovsky in Mikhailovsky]. In: Tokareva, L.A. (ed.) *Materialy Mikhaylovskikh Pushkinskikh chteniy “Opisyvay ne mudrstvuya lukavo... Voynu i mir...” (20–24 avgusta 2014 g.)* [Materials of the Mikhailovsky Pushkin Readings “Describe without further ado ... War and Peace ...” (August 20–24, 2014)]. Mikhaylovskoe: Pushkinskiy zapovednik. pp. 120–130.

25. Paustovskiy, K.G. (1983a) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 7. Moscow: Khudozh. lit. pp. 119–148.

26. Paustovskiy, K.G. (1983b) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 6. Moscow: Khudozh. lit. pp. 161–168.

27. Faryno, E. (2014) Pamyatniki Pushkinu s ptich'ego poleta [Monuments to Pushkin from a bird's eye view]. *Kul'tura i tekst*. 2(17). pp. 5–92.

28. Paustovskiy, K.G. (1984a) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozh. lit. pp. 353–364.

29. Paustovskiy, K.G. (1984b) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Vol. 8. Moscow: Khudozh. lit. pp. 102–178.

30. Tsarev, M. (1983) O lyubimykh pisat' trudno [It is difficult to write about loved ones]. In: Levitskiy, L.A. (ed.) *Vospominaniya o Konstantine Paustovskom* [Memories of Konstantin Paustovsky]. Moscow: Sov. pisatel'. pp. 217–220.

31. Semenova, N.V. (2015) “Uchenik Litseyа” A. Platonova i biograficheskiy narrativ o Pushkine [“The Student of the Lyceum” by A. Platonov and biographical narrative about Pushkin]. *Avtobiografiya*. 4. pp. 165–186.

32. Dobrenko, E.A. (2020) *Pozdний stalinizm: estetika politiki* [Late Stalinism: The Aesthetics of Politics]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

33. Meylakh, B.M. (1952) Problemy sovetskogo pushkinovedeniya [Problems of Soviet Pushkin Studies]. In: Bursov, B.I. (ed.) *Trudy Pervoy i Vtoroy Vsesoyuznykh pushkinskikh konferentsiy. 25–27 aprelya 1949 g. i 6–8 iyunya 1950 g.* [Proceedings of the First and Second All-Union Pushkin Conferences. April 25–27, 1949 and June 6–8, 1950]. Moscow; Leningrad: USSR AS. pp. 49–86.

Информация об авторе:

Семенова Н.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: n.v.semenova@spbu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Semenova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: n.v.semenova@spbu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.04.2021;
одобрена после рецензирования 16.12.2021; принята к публикации 09.03.2023*

*The article was submitted 19.04.2021;
approved after reviewing 16.12.2021; accepted for publication 09.03.2023*